

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-0-3

Исследовательская статья

Коваленко В. Д.

Медиатизированный дискурс православного студенчества
об РПЦ

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, дом 7 Санкт-Петербург, 9199034, Россия;
Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС
Средний проспект В. О., дом 57, 199178, Санкт-Петербург, Россия
vl.workvl@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу современного православного консервативного медиатизированного дискурса в среде блоггеров-студентов на платформе мессенджера Telegram. Актуальность исследования состоит в неразработанности как темы медиатизации православия, так и темы исследования православного консерватизма в современной социологии. Изучение указанного феномена происходило через призму концептуального подхода, получившего в научной социологической литературе название «медиатизация религии». Научная проблема состоит в том, что исследования медиатизации православия уже не являются новой сферой, но их количество все еще остается небольшим. Вне поля зрения исследователей оказывается значительное количество религиозных групп, которые складываются и функционируют в настоящее время, в том числе и православные группы. Методом исследования был выбран фигуративный подход, оформившийся в германской школе изучения медиатизации. Фигуративный подход реактуализирует понятие «фигурации» Норберта Элиаса и рассматривает современную коммуникативную фигурацию в медиа через 4 составляющих: коммуникативные практики, медиаансамбль, фрейм релевантности и констелляцию акторов. Коммуникативная фигурация современного православного консерватизма в мессенджере Telegram была взята за основу исследования, так как именно данная платформа предоставляет возможности для ведения дискуссии по общественным и теологическим вопросам. Цель статьи – описание студенческой общности в данной коммуникативной фигурации через четыре ее составляющие. В связи с чем задачами исследования стали: описание контекста формирования и особенностей современного этапа изучения медиатизации православия; характеристика четырех составляющих коммуникативной фигурации современного православного консерватизма в молодежной среде; анализ биографических и смысловых переменных в текстах интервью с экспертами-авторами каналов. Эмпирическая часть исследования строилась на серии экспертных, полуструктурированных интервью с авторами Telegram каналов, входящих в категорию молодежи и являющихся обучающимися Высших учебных заведений. Всего за период с марта по август 2024 года было собрано 30 интервью, из которых для статьи было отобрано 5. Результаты исследования продемонстрировали, что на данный момент существует констелляция акторов современного православного консерватизма, в молодежной подгруппе, в котором можно отдельно выделить студенчество. Православные консервативные студенты выстраивают собственную

идентичность, отталкиваясь от православной традиции, но лишь в виде моральных предписаний. Они практически не интегрированы в существующие структуры РПЦ, предпочитая рассматривать православный дискурс как возможность для собственной, личной творческой реализации. Фрейм релевантности коммуникативной фигурации православного консерватизма рассматривает православие как неотъемлемую часть для современной русской культуры и гуманитарной науки. Однако, взгляд на православную традицию и ее составляющие у старшего и молодежной подгрупп различаются по ряду вопросов – например, в вопросе перевода текстов литургии на современный русский язык. Общим для всего фрейма православного консерватизма является противопоставление либерализму, в том числе и церковному, которое проходит по вопросам об основах общества.

Ключевые слова: медиатизация православия; медиатизация; студенты; молодежь; православный консерватизм; telegram; коммуникативная фигурация; медиа; мессенджер

Информация для цитирования: Коваленко В. Д. Медиатизированный дискурс православного студенчества об РПЦ // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 3. С. 36-51. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-0-3.

Research article

Vladimir D. Kovalenko

The mediatized discourse of Orthodox students about the Russian Orthodox Church

St. Petersburg State University,
7 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia;
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
57 Sredny V. O. Ave. St., Petersburg, 199178, Russia.
vl.workvl@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the modern Orthodox conservative mediatized discourse among student bloggers on the Telegram messenger platform. The relevance of the study lies in the lack of development of both the topic of mediatization of Orthodoxy and the topic of studying Orthodox conservatism in modern sociology. The study of this phenomenon in the work took place through the prism of a conceptual approach, which received the name "mediatization of religion" in scientific sociological literature. The scientific problem is that studies of the mediatization of Orthodoxy are no longer a new field, but their number is still small. A large number of religious groups that are currently forming and functioning are outside the field of view of researchers. The figurative approach, which took shape in the German school of studying mediatization, was chosen as the research method. The figurative approach re-actualizes the concept of "figuration" by Norbert Elias and considers modern communicative figuration in media through four components: communicative practices, media ensemble, frame of relevance and constellation of actors. The communicative figuration of modern Orthodox conservatism in the Telegram messenger was taken as the basis of our study, since this platform provides opportunities for discussion on social and theological issues. The purpose of the article is to describe this communicative figuration through its four components. In this

regard, the objectives of the study were: a description of the context of formation and features of the modern stage of studying the mediatization of Orthodoxy; a characteristic of the 4 components of the communicative figuration of modern Orthodox conservatism among young people. The empirical part of the study was based on a series of expert, semi-structured interviews with the authors of Telegram channels included in the youth category and who are students of higher educational institutions. In total, 30 interviews were collected from March to August 2024, of which 5 were selected for the article. The results of the study demonstrated that at the moment there is a constellation of actors of modern Orthodox conservatism, in the youth pole of which a group of students can be distinguished. Orthodox conservative students build their own identity, based on the Orthodox tradition, but only in the form of moral prescriptions. They are practically not integrated into the existing structures of the Russian Orthodox Church. The frame of relevance of the communicative figuration of Orthodox conservatism considers Orthodoxy as an integral part of modern Russian culture and humanitarian science. But in the frame, there is also an opposition to liberalism, including church liberalism, which occurs on issues of the foundations of society.

Keywords: mediatization of Orthodoxy; mediatization; students; youth; Orthodox conservatism; Telegram; communicative figuration; media; messenger

Information for citation: Kovalenko, V. D. (2024), "The mediatized discourse of Orthodox students about the Russian Orthodox Church", *Research Result. Sociology and Management*, 10 (3), 36-51, DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-0-3.

Введение (Introduction).

Современное направление изучения медиатизации как процесса является крупной областью в мировой социологии, в которой существует четыре полноценные оформленные национально-региональные школы (Коваленко, 2023) и четыре теоретико-методологических подхода – культуральный, институциональный, социально-конструктивистский и фигуративный (Коваленко, 2024). Изучение процесса медиатизации религии – подраздел исследований в теории медиатизации. Это динамичная область, в которой международные коллективы, группы исследователей и одиночные авторы рассматривают изменения религиозных практик в зависимости от их взаимодействия с современными медиа.

На данный момент инструментарий, разработанный в рамках теории медиатизации, применяется к разным религиозным традициям – протестантизму (Kołodzieyska, Fajfer, Hall, Radde-Antweiler, 2022), католицизму (Stepniak, 2023), исламу (Cottle, 2006), иудаизму (Peretz,

2024), индуизму (Zeiler, 2014), буддизму (Jin, 2015) и так далее. В современном международном социологическом дискурсе мало исследований именно по теме медиатизации православия.

Сфера изучения медиатизации православия – это поднаправление исследований в векторе медиатизации религии, ставшее относительно популярным в последние годы на постсоветском пространстве. Но несмотря на неуклонно растущий интерес, проведение конференций по теме и появление новых исследований, тема медиатизации православия остается относительно слабо разработанной. Отечественная социология как будто оказывается в позиции догоняющего. Основной фокус российских исследователей сосредоточен на изучении теорий общества медиатизации, анализ теоретических наработок зарубежных коллег, а также дискуссию по этому поводу. Это происходит не из-за «отсталости» отечественной науки. Дело в том, что сама рамка медиатизации очень динамична, она

постоянно меняется, теории пересматриваются, дополняются и появляются новые, что вызывает методологическую неопределенность. Другими словами, инструментарий теории медиатизации применительно к православию кажется более громоздким и сложным, нежели проверенные и закрепившиеся мейнстримные подходы. Поэтому, как отмечают отечественные социологи, причина отсутствия внимания к медиатизации православия кроется в том, что среди ученых эта тема маркируется как незначимая (Островская, 2019: 303-304), а изучение православия предпочитают проводить в ракурсе мейнстримных исследований секуляризма, постсекуляризма и т.д. Количество работ, чьи авторы применяли бы обширный и функциональный инструментарий, созданный в теории медиатизации, к современному православию, очень мало.

Обзор изученности темы исследования (Review of the state of studies on the research topic). Православный консерватизм – не новое движение, он имеет глубокие корни и существует достаточно давно как направление мысли и практики внутри православной традиции (не только российской). Некоторые западные исследователи, например, американско-британский политолог Уолтер Лакер выдвигают тезис, что православный консерватизм берет свое начало в XIII веке и связан с борьбой русских князей против католических рыцарских орденов (Лакер, 1994: 32). Другие исследователи возводят появление православного консерватизма к более поздним временам формирования системы Российской Империи и появлению политики Константина Победоносцева (Chebankova, 2018: 78). Иные – связывают его появление с периодом «Перестройки» и глубоким кризисом в российском обществе (Suslov, 2014: 57). Наша работа не предполагает исторического исследования политико-религиозных идей в православии и поиска однозначного ответа на вопрос о точном времени появления православного

консерватизма. Православный консерватизм видоизменяется и трансформируется, развивается. В этом кроется предметная проблема, так как современный православный консерватизм уже отличается от наиболее описанной и исследованной версии 1990-ых – 2000-ых годов, во время пика интереса к нему.

Зарубежная часть социологии предлагает теоретико-методологические модели, основанные, в первую очередь на представлении о западном обществе. Например, в современной зарубежной социологии существует направление, исследующее православный консерватизм через призму теории культурных войн американского социолога Джеймса Хантера (Anderson, 2013), что создает ряд методологических трудностей и проблем при применении этой теории к российской социальной реальности. Другие зарубежные исследователи создают громоздкие конструкции, вроде «Ядерного православия» Дмитрия Адамского, в которых авторы пытаются соединить военную стратегию, политологию, социологию, историю церкви и теорию лоббизма (Adamsky, 2019: 11).

Отечественная социология и шире – гуманитарные науки – уделяют православному консерватизму также немного внимания. Большинство исследований по теме происходит в дисциплинарной рамке религиоведения и философии (Головушкин, 2018), что, несмотря на высокий уровень данных исследований, затрудняет использование наработок именно в социологии. Большинство социологических трудов по теме устарели, так как были созданы в основном в конце XX, начале XXI века и ориентируются на западные теории, которые, как было указано выше, не адаптивны современному консерватизму. Некоторые современные работы, например, крупная книга 2017 года российского этнолога Виктора Шнирельмана, скорее опираются не столько на социологический анализ, сколько на моделирование

социальной реальности, исходя из анализа текстов священного писания и их интерпретаций.

Например, Виктор Шнирельман предложил классифицировать движения в православии по трем направлениям: либеральное, традиционалистски-консервативное и фундаменталистски-радикальное (Шнирельман, 2017: 17). Однако эта классификация создана не на основе эмпирического исследования, а непосредственно привязана к образам истории, воспроизводящихся в группах. Рассматривая эти движения, автор заявляет о преобладании традиционалистов и либералов, ведущих между собой борьбу на уровне всей церкви (Шнирельман, 2017:18). Группа под названием «традиционалисты» – собирательная, а граница между традиционалистами и фундаменталистами размыта. Смешивая разные понятия, Виктор Шнирельман говорит о православном фундаментализме как о некоем родовом явлении для всех консервативных движений в РПЦ. Следует подчеркнуть, что при всей своей новизне предпринятая Шнирельманом амбициозная попытка классификации так и не вылилась в социологически достоверную концепцию.

Комментарий историко-культурных измышлений Шнирельмана не входит в пул задач данного исследования, но анализ современности через созданную автором призму нельзя признать удачным – попытка обнаружить в действиях фундаменталистов и консерваторов апокалиптические и эсхатологические мотивы очень сильно сужают предмет исследования, что отражается и в языке, которым написана работа – слово «якобы» употребляется в книге 566 раз, то есть почти на каждой странице. Характеризуя неприятие православными фундаменталистами идеи сближения церковью под лозунгом экуменизма, автор указывает, что это «напоминало им выстраивание здания единой мировой религии, о чем говорилось в *Апокалипсисе*» (Шнирельман, 2017: 276), выдвигая в работе этот фактор в качестве

безальтернативного, упускаются из виду другие причины неприятия частью православных верующих движения по сближению церковью и антиэкуменистской риторики, которая лежит не только в плоскости ожидания конца света, но и в плоскости общественной.

В большинстве, предложенные в социологии призывы рассмотрения консерватизма не учитывают главного – появления в последнее время внушительного количества новых православных молодежных сообществ в медиа (в том числе и консервативных). При этом данные медиа находятся в состоянии постоянного взаимодействия как между собой, так и внешним миром. За последние десять лет появилось огромное количество различных медийных проектов. Например, издательство «Черная сотня», занимающееся выпуском литературы с выраженной «монархической» риторикой. Появление объединения христианских художников «После иконы» и «Русский стиль», сообществ активистов, вроде «Русской общины», христианский видеоблог «Серафим» на популярных площадках и т.д. Многие из этих проектов направлены на молодежь, в том числе и на студентов, например, существуют «Русское общество ВШЭ», «Русское землячество МГИМО» или межвузовское «Братство Академистов», которое позиционирует себя как «...сеть клубов, объединяющих студентов патриотов и консерваторов ведущих вузов России». При этом тема студенчества является сама по себе крайне актуальной в современной России (Лебедев, 2019).

Мы предлагаем рассматривать православный консерватизм через призму дискурсивной теории американского социолога Роберта Вутноу, который, совместно со своим коллегой Мэттью Лоусоном, предложил исследовать консервативные религиозные группы как дискурсивные сообщества. Роберт Вутноу и Мэттью Лоусон указывают, что идеи являются частью любого социального

движения, но именно идеология выступает не каноном убеждений, а аналитическим измерением этих убеждений и символов, относящихся к упорядочению социальных отношений.

Кончено, консерватизм имеет идеологическое измерение, поскольку его основные убеждения связаны не просто с доктринальными истинами, но и с тем, как должны жить верующие (Wuthnow, Lawson, 1994: 23). Но из этого также следует, что фундаменталистские и консервативные группы – это, в первую очередь, дискурсивные сообщества, участники которых вырабатывают идеи и обсуждают их друг с другом. Участников таких сообществ объединяет обмен идеями и стремление применить их на практике, поэтому границы такого сообщества не очерчены, а определяются вопросами, задаваемыми внешним наблюдателем.

Методология и методы (Methodology and Methods). Все описанное выше ставит перед современной отечественной социологией проблемный вопрос о расширении области применения теоретико-методологических инструментов, сформированных в рамках теории медиатизации к изучению православия и развитию собственного массива эмпирических исследований на основе российского опыта.

Задача данной статьи – апробация методологии, сформированной в одном из теоретико-эмпирических подходов медиатизации к исследованию современного течения в православии – новой волны православного консерватизма среди молодежи, а именно среди отечественного студенчества. Обоснование выбора социальной группы для исследования выступило то, что православный консерватизм является одной из главных дискуссионных тем отечественного православия и шире – всего российского общества (Riccardi-Swartz, 2021) (Stoekli, Uzlaner 2022). Это подтверждается, если обратиться к наиболее крупным медиа-событиям

последних пятнадцати лет. За этот период вопросы, связанные с православным консерватизмом, приобретали всероссийский масштаб во время следующих событий:

- акт вандализма группы активистов в Соборе Христа Спасителя (2011 год);
- общественная полемика и митинги по теме передачи Исаакиевского Собора в Санкт-Петербурге РПЦ (2017 год);
- конфликт и полемика вокруг фильма Матильда (2017 год);
- конфликт и митинги в Екатеринбурге по поводу строительства Храма (2019 год);
- пандемия коронавируса и ограничение деятельности религиозных организаций (2020 год);
- ситуация вокруг действий Сергия (Романова) (2020 год).

Выбранная качественная стратегия исследования позволяет не только войти в специфический дискурс православного консерватизма, но и рассмотреть его смысловые сегменты, конструирующие различные интерпретации социальной реальности. Мы обращаемся к проблеме внутрицерковного медиадискурса о современном российском православии в узком сегменте консервативных Telegram-каналов, созданных или модерлируемых студентами. Нас интересовали следующие вопросы: какие биографические, культурные, профессиональные и социальные факторы выступают ведущими для современного консервативного студенчества в сфере дискуссии о православии в мессенджере Telegram?

Сфера мессенджера выбрана, так как является одной из главных дискуссионных площадок о современном православии как в либеральном сегменте, так и в консервативном. Стоит указать, что используемый подход и методология исследования изначально апробированы в изучении православия отечественным социологом Еленой Александровной

Островской и применены к исследованию «либерального» сектора в отечественном сегменте православного дискурса об РПЦ (Островская, 2022).

В нашем исследовании взят за методологическую основу фигуративный подход, разработанный германскими социологами Андреасом Хеппом и Уве Хазебрингом (Hepp, Hasebrink, 2014). Выбор данной методологии обусловлен тем, что именно этот подход предлагает функциональные инструменты анализа религиозного дискурса в условиях процесса глубокой медиатизации и «медиамногобразия» (media manifold) (Couldry, Hepp, 2017). Во-вторых, использование данного подхода связано с гипотезой статьи – а именно о существовании в современном медиатизированном дискурсе РПЦ устойчивых консервативных паттернов, воспроизводимых в коммуникативных православных медиапрактиках среди студентов.

Фигуративный подход направлен на выявление паттернов общения, связывающих офлайн и онлайн коммуникации в единое целое. Коммуникативная фигурация включает четыре компонента: медиа-ансамбль, констелляции акторов, фрейм релевантности и коммуникативные практики, которые опосредуются медиа и интегрированы в различные социальные практики.

Констелляция акторов является структурной основой фигурации, представляет собой сеть взаимосвязанных индивидов, которые взаимодействуют друг с другом. Вместе с этим каждая коммуникативная фигурация должны иметь основной тематический фрейм, фрейм релевантности некую «главную тему», которая основана на фундаментальной социальной теории, а именно на концепции «frame analyses» как его определял Ирвинг Гоффман (Goffman, 1974). Помимо главенствующей темы каждая коммуникативная фигурация

находится в определенной «медийной среде» (Morley, 2007). Андреас Хепп и Уве Хазебринг определяют это явление как медиаансамбль. Четвертым уровнем коммуникативной фигурации выступает констелляция акторов (заимствуется из работ Уве Шимака и трудов Норберта Эллиаса), которую можно определить, как переплетение взаимодействия группы типичных акторов, которые могут быть как индивидуальными (например, люди), так и коллективными.

Приступить к «вскрытию» коммуникативной фигурации и осуществить первичный анализ Андреас Хепп и Уве Хазебринг предлагают двумя путями. Первый подразумевает обладание исследователем информации о конкретных медиапрактиках. Этот способ подходит для исследования коллективов, первичная информация о медиапрактиках которых уже имеется заранее. В нашем случае осуществление подобного способа не было возможным, ввиду отсутствия массива данных об использовании медиа. Мы обратились ко второму предложенному способу – анализу путем открытых вопросов. Это позволило получить информацию об актуальных медиапрактиках исследуемого коллектива.

Исследование православных Telegram-каналов, посвященных дискурсу о православии, проводилось в период с января по август 2024 года с использованием качественных методов case-study – экспертного, биографического, полуструктурированного интервью. На этапе пилотажа было проведено пять экспертных интервью с представителями крупных православных консервативных telegram-каналов. Результаты пилотного исследования позволили сформулировать критерии отнесения telegram-каналов к православным-консервативным. После чего мы смогли приступить к формированию выборки исследования. Она была сформирована методом выборки, управляемой респондентом, в нее вошли авторы 30 telegram-каналов (с количеством

подписчиков минимум 1 000), пишущих на темы, затрагивающие консервативное православие.

После обработки интервью из основного массива было выделено две поколенческие группы, обладающие едиными признаками. Из 30 интервью в целевую выборку попали 6 – это каналы «Мораликов», «Братство Академистов», «Тернистый путь», «Черный Баронь», «Во славу «Царя», «Савва Федосеев». Их администраторами выступают студенты бакалавриата или магистратуры, проживающие в разных регионах России, в возрасте от 18 до 26 лет. Отдельно необходимо сказать об этической составляющей исследования. В тексте авторские цитаты помечены названием соответствующего канала. Они согласованы и разрешены к публикации.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Самой первой переменной, позволяющей судить о переплетении медиапрактик исследуемой совокупности авторов дискурсивного поля в Telegram, выступила переменная принципа распространения информации, а именно правил, исходя из которых авторы ссылаются на иные каналы или медиа. Этот вопрос позволяет подтвердить существование единой констелляции акторов, объединенных общими практиками и единой ориентацией в социальном пространстве. В этой части повторяемым сюжетом стало то, что интервьюеры в мессенджере Telegram склонны ссылаться не на крупные православные каналы, а на собственных коллег, людей, с которыми они состоят в дружественных связях или наиболее общественно-близкие группы по взглядам.

Это ближайшее окружение и... Ближайшее окружение – это политический и правый сегмент, который мне близок, понятен, мы друг друга подсвечиваем. Особенно это делают в том числе в благодарности о сборах (имеются в виду сборы для помощи Вооруженным Силам Российской Федерации – прим авт.)

очень часто. Я как бы заинтересован в росте аудитории в первую очередь не для того, чтобы все услышали мое максимально нереально ценное мнение, а для увеличения количества пожертвований и охватов. Я это вижу каждый день, что меня крайне радует. Поэтому я редко ссылаюсь на какие-то посторонние сетки, дискутирую с либеральной сеткой зачастую, но чаще всего это вот такой право-патриотический лагерь, достаточно большой, в том числе и зачастую какой-то системный, и люди там из Ленты.ру, и вот такие независимые проекты.

«Савва Федосеев»

Воспроизводящийся паттерн представления о разнообразном и сложном подходе к современным медиа внутри РПЦ обусловил и необходимость конкретизации представлений о роли тех или иных медиа в практиках православных консерваторов среди студентов. Это позволяет нам найти ответ на вопрос о формировании пространства дискуссии о православии именно на платформе мессенджера Telegram, то есть о его центральной роли в медиаансамбле православной консервативной констелляции. При этом дискуссии проходят не на основе договоренностей, а с опорой на общие правила. Особенно это актуально, так как в ранее опубликованных исследованиях (Островская, 2022) уже озвучивался тезис о ведущей роли дискуссии о современном православии именно мессенджера Telegram. Во всех интервью авторы каналов указывали, что мессенджер предоставляет больше возможностей для наиболее прямого контакта с аудиторией, чем иные социальные сети или медиа, на которых, в том числе, есть цензура или влияние алгоритмов, не всегда понятных пользователям.

Это ты сам берёшь, кто нравится, того обсудил. Если не увидит запись твой хороший знакомый, можно ему отправить. То есть, это надо не по договорённости делать. По договорённости, если

начинаешь делать, то видно со стороны. Читатель человек не глупый. Поэтому нужно, мне кажется, делать это всё абсолютно естественно. И будет продвижение. А остальные социальные сети, например, сайт, контакт (имеется в виду социальная сеть «ВКонтакте» – прим. Авт.) и прочее, ну одноклассники – это витрина, то есть человек зашёл, полистал, ага, телефон нашёл, адрес нашёл, почта нашёл, то есть по большому счёту это почти с картинками. Как сайт-визитка.

«Савва Федосеев»

В большинстве интервью с экспертами Telegram-каналов в студенческой среде существует нарратив, что сфера медиатизированного дискурса о православии вообще, и о православном консерватизме в частности, выступает закрытой. Во всех интервью присутствовало смысловое разграничение «православное-неправославное».

Поэтому биографический анализ предоставляет возможность характеристики вхождения экспертов в «православный дискурс». Собранный массив интервью позволил сделать вывод о существовании православной консервативной констелляции акторов, в которой существует две подгруппы, основанных на возрастном различии и биографическом различии. Первой подгруппой выступили авторы каналов среднего возраста – от 36 до 60 лет, чей период личностного формирования пришелся на период ограничений на присутствие религии в публичном поле СССР или на период реинституционализации РПЦ. Более старшая подгруппа констелляции активно интегрирована в существующие структуры РПЦ. Интересующая же нас подгруппа – представители молодежи, маркирующие себя как православные консерваторы, то есть люди, не достигшие 35 лет, родившиеся в 1990-ые годы и сформировавшиеся в 2000-ые, во время реактуализации православной традиции и полноценного выхода РПЦ в публичное

поле. В этой подгруппе существует общность, относящаяся к студентам, и, объединенная биографическими сюжетами, фреймом релевантности и медийными практиками. Общим мотивом для этого сообщества стала характеристика своих семей как нерелигиозных. В части интервью присутствовал сюжет, что на воцерковление авторов повлияло взаимодействие с людьми не из ближайшего круга, священниками или преподавателями. Этот сюжет сильно контрастирует на фоне биографических сюжетов старшей подгруппы, так как подавляющим мотивом там был вход в православие через общение с родными.

Родители не были религиозными. Меня в детстве крестили, но о православии мы никогда не говорили, икон дома не было, на службы не ходили. (В православие – прим. авт.) Пришёл из язычества в 20 лет. В Ярославле разговаривал со священником в Успенском соборе, говорил о том, что разделяю взгляды церкви, но в Бога не верю, на что он посоветовал мне молиться о том, чтобы Бог дал мне веру. И через полгода или год я осознал себя православным.

«Тернистый путь»

В православие пришел через общественную деятельность и общение с научным руководителем в университете.

«Братство Академистов»

В некоторых интервью встречался сюжет, что воцерковление в детском возрасте совпало с параллельным воцерковлением родителей в период 90-ых/00-ых, которые изначально были нерелигиозными.

Меня уже покрестили, но меня покрестили в 1997 году в храме, в котором моя мама при советской власти ходила в клуб. При этом она рассказала, что она пришла, увидела, что это бывший храм и решила, что туда не будет идти. [...] И она стала посещать церковь в начале, активно посещать церковь, в начале нулевых, когда я был в начальных классах, наверное, первый, второй, третий класс.

Отец стал посещать позже, через три-четыре года, но по её примеру стал посещать. Меня на тот момент уже стали брать в воскресную школу, и, позже уже папа присоединился к регулярному посещению церкви.

«Савва Федосеев»

Мой отец в детстве водил меня в православный храм и пытался прийти к вере, у матери свое отношение к религии. Бабушка научила меня читать молитву «Отче наш...».

«Мораликов»

При этом студенчество, как и в целом молодежная подгруппа констелляции акторов православного консерватизма, не связано с РПЦ как с социальной структурой. Взаимодействие с церковью как общественной институцией не является для студентов основной. Студенты не выстраивают связь с приходом как с локальной общиной, не интегрируются в действующие православные СМИ или Синодальные, Епархиальные или приходские структуры, взаимодействуя с православной общиной скорее, как с сетевым сообществом. Молодые представители православного консерватизма предпочитают рассматривать свою деятельность как связанную с общественным измерением, политическим, сферой искусства или культуры.

Моя профессиональная деятельность никак не соотносится с Церковью, соотносится лишь с православными моральными ценностями. Создал Православный канал, чтобы объединить Православных добрых людей для созидания. «Во славу Царя»

Моя деятельность напрямую никак не соотносится с церковью. Это скорее не канал о православии, а канал, тесно с ним связанный в той мере, насколько русский человек связан с православием.

«Тернистый Путь»

Я, безусловно, обычный прихожанин, скажем так, я стараюсь ходить во N церковь, (здесь и далее название районов и

храмов удалены, так как раскрывают персональные данные публичного лица – прим. авт.). Но при этом, так как я больше времени провожу всё-таки в Петербургском центре. Я посещаю либо храм X, либо Y. Но тут опять же в рамках СВО скорее стоит об этом поговорить. Моя деятельность в том числе связана с тем, что, например, если кто-то из нашего окружения погибает, то непосредственно, допустим, я занимаюсь организацией панихид.

«Савва Федосеев»

Наш телеграмм канал не совсем основан на православии. Мы уважаем все религии и относимся к ним с большим уважением. Но да, среди контента часто проскальзывает тема прежде всего христианства. Да и большая часть административного канала православные христиане, есть также мусульмане и последователи славянского умеренного язычества.

«Черный баронь»

Профессиональная ориентация – то есть выбор дальнейшей сферы деятельности была обусловлена среди студентов не внешней ситуацией, а выбором способа личной, в том числе и творческой реализации. Это коррелирует с предыдущим блоком вопросов об интеграции в структуры РПЦ и выборе, в первую очередь, персонального, творческого пути. Подобное сильно контрастирует с результатами, полученными от представителей старшего поколения, для которых выбор в сторону высшего образования или выбор профессии в молодости был обусловлен в большей мере достижением благосостояния или более статусного положения в обществе.

Да это в целом, то есть на протяжении всей моей жизни я сначала в детстве много рисовал, потом пошел в детскую художественную школу, ее закончил, потом гимназию закончил. И вся жизнь она была вокруг того, что летом, вместо того чтобы бегать, веселиться с друзьями, полдня я садился и рисовал там

цветы, пейзажи, натюрморты. И всю жизнь я с этим связывал. И поэтому выбор профессии для меня был очевиден перед универом последние 3-4 года, прям вот целенаправленно. Параллельно я и поступал в другие университеты, но выбрал там наилучший, на мой взгляд.

«Савва Федосеев»

Я с детства хотел заниматься политикой, но так вышло, что баллов хватило только на специальность «туризм». После начала СВО я приехал в N область для работы в военно-гражданской администрации и тут поступил по направлению «государственное и муниципальное управление».

«Мораликов»

Достаточно крупная часть опросника была посвящена смысловому наполнению понятия «православный консерватизм», то есть связана с фреймом релевантности, рассматриваемой нами фигурации. Идейнными элементами этого понятия, его основанию, дискурсивному разделению на православных «либералов» и «консерваторов» у консервативного студенчества. Одной из главных тематик интервью с экспертами стал вопрос об определении православного консерватизма как явления. Описание восприятия православного консерватизма и его атрибутивности экспертами дают возможность характеризовать православный консерватизм как, в первую очередь, моральные предписания и правила жизни для студентов, неразрывно связанные с их жизнью и деятельностью.

Православный консерватизм для меня – это накопление и использование мудрости наших православных предков и святых отцов прошлого.

«Во славу Царя»

Православный консерватизм можно рассматривать как публичное общественное движение и как внутри церковная тенденция или группа.

«Братство Академистов»

То есть, во-первых, все-таки человек, который является прихожанином

православной церкви. Безусловно, Московского Патриархата, тут всё более-менее понятно. А консервативный человек, это на мой взгляд, который сопротивляется леволиберальной тенденции абсолютно, которая сейчас в России сходит на нет, власть криво, худо, больно с ней как-то борется, тактически это абсолютно криво и косо, стратегически мне кажется, что это хорошую роль сыграл.

«Савва Федосеев»

Другим важным вопросом стал вопрос о разделении в современном православии на «либералов» и «консерваторов». Этот вопрос был задан для формирования представления деятелей консервативной фигурации о самих себе и предоставляет нам возможность проследить как консерваторы формируют собственную идентичность через «значимого другого». Исходя из ответов большинства экспертов, можно заключить, что существует кардинальное различие между православным консерватизмом и либерализмом. Это различие находится в области разных взглядов на фундамент российского общества, его исторических особенностей и миссии православной церкви. Для большинства экспертов либеральное крыло православия представляет собой идейных оппонентов, чьи ценности не совпадают с настоящим (по мнению консерваторов) православием на онтологическом уровне, из-за чего возникают противоречия по частным вопросам. Как было видно из ответов, опрошенные эксперты выводят консервативную идентичность через оппонирование носителям иных ценностей в публичном поле.

Очень часто многие религиозные люди идут скорее в левую сторону. равенство, братство. На самом-то деле, безусловно, нет. Это такая, мне кажется, иллюзия, которую преподносит обобщенно левое движение, особенно леволиберальное. Сейчас леволиберальные люди часто

пытаются даже с христианских мотивов начинать говорить, что можно и садамью¹ легализовать, и транспереходы², и так далее. Я ушел, наоборот, в правую стезю, то есть вот такими какими-то путями религиозно-политическими. Я видел, что некоторые объединения русского народа, в том числе, на данный момент, тяжело, конечно, но идут через православную церковь, но это неизбежный, необходимый процесс, который в том числе мы видим во время СВО.

«Савва Федосеев»

На либералов я не подписан и не читаю их, мне мой разум пока ещё дорог, чтобы так его мучить. Либералы искренне ненавидят Россию, православие и русских, консерваторы их полная противоположность в этом вопросе. В этом их главные особенности и различия.

«Черный баронъ»

Также немаловажным явился и вопрос о переводе текстов литургии и богослужений на русский язык. В другой возрастной подгруппе эксперты указали на недопустимость этого действия, подчеркивая сакральность богослужебной практики, сформировавшейся в православной церкви на церковно-славянском языке. В виде примера можно привести цитату из интервью администратора канала Rebrik sacerdos.

Религиозное мировоззрение в монорелигиях всегда консервативно, иначе это не религия, а очередной сектантский шабаш. Православие – это вера, где Писание неразделимо от Святого Предания, то есть нельзя жить и спастись в этом мире, не учитывая собственное прошлое и не зная своей культуры. Христианство – историческая религия. Это вера, базирующаяся на историческом событии, приходе на землю Иисуса

Христа, Его страдания, смерть и воскресение за людей.

«Rebrik sacerdos»

Представители студенчества в православном консервативном секторе относятся к переводу литургии на современный русский язык иначе. Выбор в пользу сохранения церковно-славянской версии службы не подкрепляется теологическими, богословскими аргументами. В большинстве же собранных интервью присутствует сюжет положительной оценки полного или частичного перевода текстов на русский язык. Эта тенденция прослеживается при том, что большинство авторов назвало себя православными консерваторами.

Ну, я далёк от них, я даже не знаю, какие существуют. То есть, я могу предположить... В Феодоровском соборе такая группа была, или кочетковцы, например. Вот. Даже не знаю, к счастью, кто это, или, к сожалению. Я сторонник того, чем это всё будет ортодоксальное, тем лучше.

«Савва Федосеев»

Ну я лично не испытываю проблем с пониманием церковного языка во время богослужения, но для внедрения православия в массы, думаю частичное обновление на современный русский язык не повредит.

«Черный баронъ»

Вместе с вопросом о православной традиции и переводе литургии нас интересовал и вопрос о том, кто внес наибольший вклад в русскую православную традицию. Среди указанных студентами деятелей наиболее часто встречались современные деятели православия, такие как Патриарх Кирилл, митрополит Крымский Тихон (Шевкунов) Патриарх Алексей II, протоиерей Андрей Ткачев, митрополит Иоанн (Снычев). Только во вторую очередь были названы

¹ Международное общественное движение ЛГБТ признано на территории Российской Федерации экстремистским и его деятельность запрещена по решению Верховного суда от 30 ноября 2023 года.

² Международное общественное движение ЛГБТ признано на территории Российской Федерации экстремистским и его деятельность запрещена по решению Верховного суда от 30 ноября 2023 года.

канонизированные святые и просто исторические деятели РПЦ Сергей Радонежский, Иоанн Кронштадтский, Серафим Саровский, Павел Флоренский. Из чего можно сделать вывод, что наиболее крупными авторитетами для православного консервативного студенчества выступают в первую очередь современные общественные деятели, а уже во вторую канонизированные святые. Это коррелирует с предыдущими переменными о переводе текстов литургии на современный русский язык и о большей ориентации на общественный и творческие составляющие в деятельности, связанной с православием.

Заключение (Conclusions). В завершение статьи можно заключить, что инструментарий, созданный в рамках изучения процесса медиатизации, адаптивен современному исследованию не только на макро- и метауровнях социальной реальности, но и на микроуровне, в изучении современной дискуссионной сферы православного консервативного студенчества. Использование инструментария медиатизации открывает широкий простор для отечественной социологии по изучению разных социальных групп и формирующихся дискурсов, при этом не только в ракурсе социологии религии.

Современное состояние глубокой медиатизации открывает возможность применения методологии изучения медиатизации в новых ракурсах, используя для анализа тех сфер общества, которые ранее еще не были медиатизированы. В современном мире таких сфер становится все больше, поэтому рекомендаций может выступить внедрение предложенного метода в современном этно-религиозном мониторинге и шире – во взаимодействии с коллективами усложняющегося общества.

Рассмотренная тема современного православного консерватизма и шире – медиатизации православия – остро нуждаются в формировании нового массива исследований, основанных на

методологии, учитывающей характеристики современных медиа и процесс влияния этих медиа на общество. В то же время, тема медиатизации православия мало разработана. Крупная подтема – православный консерватизм, особенно его новый виток, связанный с вхождением в консервативное движение новых возрастных групп – остается практически не исследуемым.

Одним из главных выводов статьи является то, что на данный момент на платформе мессенджера Telegram сформировалась коммуникативная фигурация православного консерватизма, которая включает определённую констелляцию акторов, фрейм релевантности, ансамбль медиа и коммуникативные практики. Платформа мессенджера Telegram выступает основой дискурсивной площадки для представителей православия, так как именно это медиа предоставляет возможность наиболее тесного контакта с аудиторией. А также на ней отсутствуют искусственные ограничения или вмешательство в предоставление информации со стороны платформы, в отличие от наиболее крупной социальной сети в России – ВКонтакте.

В данной коммуникативной фигурации православного консерватизма можно выделить две подгруппы, отличающиеся по возрасту и, соответственно, жизненному опыту. Среди подгруппы православной консервативной молодежи существует общность современного православного студенчества, объединенная собственными отличительными признаками. Представители молодежной подгруппы констелляции формировались в период возрождения православия и неразрывно ассоциируют себя с этой традицией через национальную идентичность.

Для студентов участие в православной сфере связано не столько с религией или личными духовными воззрениями, сколько с культурой, искусством и общественной

деятельностью. Молодёжные представители не интегрированы в структуры РПЦ, а скорее рассматриваются себя в роли партнёров этих организаций. Церковь как институт выступает для них скорее ориентиром, нежели средой самовыражения, что открывает крайне перспективное направление для изучения творческих и общественных коллективов православной молодежи.

Во многом, студенты, сторонники православного консерватизма формируют свою идентичность отталкиваясь от православной традиции, но в виде моральных предписаний, наиболее авторитетными православными лицами для студентов выступают современные официальные деятели РПЦ (например, Патриарх Кирилл), а уже во вторую очередь русские канонизированные святые (например, Сергей Радонежский). Подобная призма рассмотрения православной традиции коррелирует и с нейтральным или позитивным отношением к переводу литургии на современный русский язык среди студенчества, так как обучающиеся видят в нем возможность популяризации православия.

Другой важной тенденцией, свойственной всей коммуникативной фигурации, выступил вопрос о значимом другом, а именно о либеральном секторе современного православия, обладающего иными ценностями. Как представители более старшей подгруппы, так и представители молодежи и студентов формируют свою консервативную идентичность, исходя из противопоставления либеральному православию. Разница между консервативным и либеральным состоит в ключевых вопросах основания общества, ценностей русской культуры и русского языка, а также ценности России как суверенного государства.

Главным вопросом в разделении «православный-консервативный» – «православный-либеральный» выступает вопрос о пределе допустимого в обществе: а именно, о позитивном или негативном отношении к признанному в России экстремистским движению ЛГБТ¹.

Данная статья стала одним из этапов в создании нового массива данных о медиатизированном православии и одной из первых, рассматривающих медиатизацию православного консерватизма. Можно констатировать, что православный консерватизм, особенно в молодежной и уже – в студенческой среде – выступает одной из актуальных течений, существующий наравне с другими общественными, культурными и религиозными дискурсами.

Список литературы

Головушкин Д. А. Современный православный фундаментализм от псевдофундаментализма? // Известия Иркутского Государственного Университета. Серия: политология. религиоведение. 2018. № 25. С. 92-102.

Коваленко В. Д. Медиатизация православия как исследовательское поле. Концепт: философия, религия, культура. 2023. №7(4). С. 76-97.

Коваленко В. Д. Медиатизированное православие в социальных сетях органов исполнительной власти СЗФО в эпоху COVID-19 // Политика и Общество. 2024. № 2. С. 63-76.

Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма, 1994. 430 с.

Лебедев С. Д., Склярова В. А. Социальный запрос на знание о религии в современном российском обществе в оценках экспертов // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 2. С. 25-36. <https://rtrsociology.ru/journal/annotation/1739/>

Островская Е. А. Медиатизация православия – это возможно? // Мониторинг. 2019. № 5 (153). С. 301-319.

Островская Е. А. Альтернативный медиадискурс об РПЦ: православные Telegram-

¹ Международное общественное движение ЛГБТ признано на территории Российской Федерации

экстремистским и его деятельность запрещена по решению Верховного суда от 30 ноября 2023 года.

каналы // Мониторинг. 2022. № 2 (168). С. 454-475.

Шнирельман В. Колено Даново: эсхатология и антисемитизм в современной России. М.: Издательство ББИ, 2017. 633 с.

Adamsky D. Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy. Redwood City: Stanford University Press, 2019.

Ammerman N. T. Baptist Battles: Social Change and Religious Conflict in the Southern Baptist Convention. Rutgers University Press, New Brunswick and London, 1990.

Anderson J. P. Rocks, Art, and Sex: The “Culture Wars” Come to Russia? // Journal of Church and State. 2013. V. 55, № 2. Pp. 307-334.

Chebankova E. Reflections on cross-currents of Russian conservatism, In Garnett M. (ed.) Conservative Moments Reading Conservative Texts, Bloomsbury academic. London; New York, 2018.

Cottle S. Mediatized Conflict: Developments in Media and Conflict Studies. Maidenhead: Open University Press, 2006.

Couldry N. and Hepp A. The mediated construction of reality. Polity Press, Cambridge. 2017.

Goffman E. Frame analysis: an essay on the organization of experience. Harvard University Press, Cambridge, MA, 1974.

Hepp A., Hasebrink U. Human interaction and communicative figurations. The transformation of mediatized cultures and societies. In Lundby K. (ed.) Mediatization of Communication, 2014.

Jin D. Y. The Mediatization of Buddhism in Digital Media: The Contemporary Reflection of Uisang’s Hwaom Thought // Journal of Media and Religion. 2015. V 14, № 4. Pp. 196-210.

Kołodziejska M., Fajfer Ł., Hall D. and Radde-Antweiler K. Religious media settlers in times of deep mediatization // Religion. 2022. V. 53, № 2. Pp.199-223.

Morley D. Media, modernity and technology: The geography of the new. Routledge, London / New York, 2007.

Peretz D. The Mediatization of Jewish-Muslim Dialogue in Germany Amid COVID-19 // Contemporary Jewry. 2024. URL: <https://archive.jpr.org.uk/10.1007/s12397-024-09565-7>.

Riccardi-Swartz S. American Conservatives and the Allure of Post-Soviet Russian Orthodoxy // Religions. 2021. V. 12, № 12. P. 1036.

Schimank U. Handeln und Strukturen. Einführung in die akteurtheoretische Soziologie, Auflage, Beltz Juventa (Weinheim und Basel), 2016.

Stepniak K. Communicating the sacred in religious advertising in light of the mediatization of religion theory and research on digital religion // Church, Communication and Culture. 2023. V. 8, № 2. Pp. 285-307.

Stoeckl K., Uzlaner D. The Moralists International: Russia in the Global Culture Wars. 1st ed. Fordham University Press, 2022.

Suslov M. “Holy Rus”: The Geopolitical Imagination in the Contemporary Russian Orthodox Church // Russian Politics and Law, 2014. № 52, P. 57.

Wuthnow R. and Lawson M. P. Sources of Christian Fundamentalism in the United States Accounting for Fundamentalisms in Marty, M. E. and Appleby, R. S. (ed), The Dynamic Character of Movements, The University of Chicago Press, 1994.

Zeiler X. The global mediatization of hinduism through digital games: representation versus simulation in hanuman: boy warrior, in Campbell H. A. and Grieve G. P. (eds.), Playing with Religion in Digital Games, 2014.

References

Golovushkin, D. A. (2018), “Sovremenny pravoslavny fundamentalizm or psevdofundamentalizm?”, *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Serya: politologiya. Religiovedenie*, 25, 92-102. (In Russian)

Kovalenko, V. D. (2023), “Mediatizatsiya pravoslavnya kak issledovatel'skoe pole”, *Kontsept: filosofya, religya, kultura*, 7 (4), 76-97. (In Russian)

Kovalenko, V. D. (2024), “Mediatizirovannoe pravoslavie v sotsialnykh setyah organov ispolnitel'noy vlasti SZFO v epokhu COVID-19”, *Politika i Obshchestvo*, 2, 63-76. (In Russian)

Laker, U. (1994), *Chernaya sotnya. Proiskhozhdenie russkogo fashizma* [The Black Hundred. The Origin of Russian Fascism]. (In Russian)

Lebedev, S. D., Sklyarova, V. A. (2019), “The social demand for knowledge about religion in modern Russian society in the assessments of experts”, *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, 5 (2), 25-36. (In Russian)

Ostrovskaya, E. A. (2019), “Mediatizatsiya pravoslaviya – eto vozmozhno?” *Monitoring*, (5), 301-319. (In Russian).

Ostrovskaya, E. A. (2022), “Alternative media discourse about the Russian Orthodox Church: Orthodox Telegram channels”, *Monitoring*, (2), 454-475. (In Russian)

Shnirelman, V. (2017), *Koleno Danovo: eskhatologiya i antisemitizm v sovremennoy Rossii* [The Danovo Tribe: Eschatology and Anti-Semitism in Modern Russia], Moscow, Izdatestvo BBI. (In Russian)

Adamsky, D. (2019), *Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy*. Redwood City: Stanford University Press.

Ammerman, N. T. (1990), *Baptist Battles: Social Change and Religious Conflict in the Southern Baptist Convention*. Rutgers University Press, New Brunswick and London.

Anderson, J. P. (2013), “Rocks, Art, and Sex: The “Culture Wars” Come to Russia?”, *Journal of Church and State*, 55 (2), 307-334.

Chebankova, E. (2018), *Reflections on cross-currents of Russian conservatism*, In Garnett M. (ed.) *Conservative Moments Reading Conservative Texts*, Bloomsbury academic, London; New York.

Cottle, S. (2006), *Mediatized Conflict: Developments in Media and Conflict Studies*, Maidenhead: Open University Press.

Couldry, N. and Hepp, A. (2017), *The mediated construction of reality*, Polity Press, Cambridge.

Goffman, E. (1974), *Frame analysis: an essay on the organization of experience*, Harvard University Press, Cambridge, MA.

Hepp, A., Hasebrink, U. (2014), *Human interaction and communicative figurations. The transformation of mediatized cultures and societies*, in Lundby K. (ed.) *Mediatization of Communication*.

Jin, D. Y. (2015), “The Mediatization of Buddhism in Digital Media: The Contemporary Reflection of Uisang’s Hwaom Thought”, *Journal of Media and Religion*, 14(4), 196-210.

Kołodziejska, M., Fajfer, Ł., Hall, D. and Radde-Antweiler, K. (2022), “Religious media settlers in times of deep mediatization”, *Religion*, 53(2), 199-223.

Morley, D. (2007), *Media, modernity and technology: The geography of the new*, Routledge, London/New York.

Peretz, D. (2024), The Mediatization of Jewish-Muslim Dialogue in Germany Amid COVID-19, *Contemporary Jewry*.

Riccardi-Swartz, S. (2021), American Conservatives and the Allure of Post-Soviet Russian Orthodoxy. *Religions*, 12(12):1036.

Schimank, U. (2016), *Handeln und Strukturen. Einführung in die akteurtheoretische Soziologie, Auflage*, Beltz Juventa (Weinheim und Basel).

Stepniak, K. (2023), Communicating the sacred in religious advertising in light of the mediatization of religion theory and research on digital religion. *Church, Communication and Culture*, 8 (2), 285–307.

Stoeckl, K., Uzlaner, D. (2022) *The Moralists International: Russia in the Global Culture Wars*. 1-st ed. Fordham University Press.

Suslov, M. (2014), “The Holy Rus: The Geopolitical Imagination in the Contemporary Russian Orthodox Church”, *Russian Politics and Law*, 52, 57

Wuthnow, R. and Lawson, M. P. (1994), *Sources of Christian Fundamentalism in the United States Accounting for Fundamentalisms* in Marty, M. E. and Appleby, R. S. (ed), *The Dynamic Character of Movements*, The University of Chicago Press.

Zeiler, X. (2014), *The global mediatization of hinduism through digital games: representation versus simulation in hanuman: boy warrior*, in Campbell, H. A. and Grieve, G. P. (eds.), *Playing with Religion in Digital Games*.

Статья поступила в редакцию 15 августа 2024 г. Поступила после доработки 08 сентября 2024 г. Принята к печати 12 сентября 2024 г. Received 15 August 2024. Revised 08 September 2024. Accepted 12 September 2024.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Коваленко Владимир Дмитриевич, старший преподаватель, факультет социологии СПбГУ, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия.
Vladimir D. Kovalenko, Senior Lecturer, St. Petersburg State University, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Petersburg, Russia.